

В. А. Гуторов*

НАСЛЕДИЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ *FASCIST STUDIES***

Статья посвящена анализу одного из ведущих направлений западных интерпретаций и аналитики истории русской общественной мысли, которая в ряде аспектов соприкасается со сложившейся во второй половине XX в. традицией исследований истоков европейского фашизма (*fascist studies*). В силу ряда специфических обстоятельств исторического и теоретического свойства центральной фигурой для довольно тенденциозной критики западных ученых является творчество русского ученого и философа Н. Я. Данилевского (1822–1885), которое нередко рассматривается как исходный момент формирования евразийской версии «русского фашизма». Западная мифология «русского фашизма» вполне вписывается и в тенденцию к предельно общему, «универсалистскому» определению фашизма как идеологического и социально-политического феномена. В статье доказывается несостоятельность такого рода интерпретаций. Историософия Данилевского гораздо ближе идеям О. Шпенглера и А. Тойнби. И хотя Шпенглера также неоднократно пытались и пытаются сделать «союзником» нацистов, такого рода усилия почти всегда выглядят несколько натянутыми. Для того чтобы понять, насколько далек Данилевский от европейских фашиствующих правых, совсем не нужно, на наш взгляд, даже обращаться к его работе «Россия и Европа». Вполне достаточно более пристально взглянуть на его ранний монументальный двухтомный труд «Дарвинизм. Критическое исследование».

Ключевые слова: русская общественная мысль, фашизм, евразийство, дарвинизм, историософия, правый радикализм, консерватизм.

V. A. Gutorov

THE LEGACY OF N. Ya. DANILEVSKY IN THE LIGHT OF MODERN FASCIST STUDIES

The article is devoted to the analysis of one of the leading directions of Western interpretations and analytics of the history of Russian social thought, which in some aspects

* Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет; gut-50@mail.ru

** Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19–011–31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

is in contact with the tradition of studying the origins of European fascism (*fascist studies*) that developed in the second half of the 20th century. Due to a number of specific circumstances of the historical and theoretical properties, the central figure for a rather tendentious criticism of Western scholars is the work of the Russian scientist and philosopher N. Ya. Danilevsky (1822–1885), which is often regarded as the starting point for the formation of the Eurasian version of “Russian fascism”. The Western mythology of “Russian fascism” fits well with the tendency to an extremely general, “universalist” definition of fascism as an ideological and socio-political phenomenon. The article proves the inconsistency of this kind of interpretation. The historiosophy of Danilevsky is much closer to the ideas of Oswald Spengler and Arnold Toynbee. And although Spengler is also constantly portrayed as the “ally” of the Nazis, this kind of effort almost always seems somewhat strained. In order to understand how far Danilevsky is from the European fascist right, one does not even need to look at his work “Russia and Europe”. It is quite enough to take a closer look at his early monumental two-volume work “Darwinism. Critical research”.

Keywords: Russian social thought, fascism, Eurasianism, Darwinism, historiosophy, right-wing radicalism, conservatism.

Современные интерпретации как генезиса фашистской идеологии и практики европейского фашизма, так и структуры мировых фашистских дискурсов эпохи модерна являются исключительно разноплановыми. Сам по себе характер анализа фашизма в научной и философской литературе в немалой степени связан с многообразием его идейных истоков. Еще несколько десятилетий назад Людвиг фон Мизес, характеризуя ранний итальянский фашизм, отмечал:

Итальянский фашизм не был, как хвастали его адепты, оригинальным продуктом итальянского ума. Он возник с расколом рядов марксистского социализма, который определенно был импортированным учением. Его экономическая программа заимствована из немецкого немарксистского социализма, а его агрессивность была равным образом скопирована с немецких All-deutsche, или пангерманистских предшественников нацизма. Его способ управления государством был парафразом диктатуры Ленина. Корпоративизм, его наиболее рекламируемое идеологическое украшение, был британского происхождения. Единственным доморощенным ингредиентом фашизма был театральный стиль устраиваемых процессий, зрелищ и праздников [14, p. 528].

В свою очередь, нацистская философия — «наиболее чистое и последовательное выражение антикапиталистического и социалистического духа нашей эпохи» — также была не «арийской» по своему происхождению.

В генеалогическом дереве нацистской доктрины такие латиняне, как Сисмонди и Жорж Сорель и такие англосаксы, как Карлейль, Рескин и Хустон Стюарт Чемберлен, были более заметны, чем любой немец. Даже наиболее притягательный нацистский наряд — басня о превосходстве образцовой арийской расы, возникла не в Германии — ее автором был француз Гобино. Немцы еврейского происхождения, такие как Лассаль, Лассон, Шталь и Вальтер Ратенау, внесли больше в основные догматы нацизма, чем такие люди, как Зомбарт, Шпан и Фердинанд Фрид [14, p. 529].

В этом плане нет ничего удивительного в том, что современные аналитики смело примеряют фашистские одежды практически на любую теорию.

Не обойден вниманием в этом плане был и Н. Я. Данилевский. Тенденция рассматривать труды Данилевского в контексте исследований генезиса фашизма уже давно стала «общим местом» в западной политологии. Во многом она связана с интенсификацией мифа о «русском фашизме» который усиленно тиражируется во многих современных изданиях. Причину этого явления можно найти, к примеру, в послесловии к сборнику «Фашизм в прошлом и настоящем. Запад и Восток», который был издан в 2006 г. известным штутгартским издательством «ibidem-Verlag» под редакцией Андреаса Умланда [5]. Автор послесловия Уолтер Лакёр — один из наиболее авторитетных специалистов по истории и идеологии русских праворадикальных партий и движений — утверждал буквально следующее:

Десять лет назад казалось, что фашизм имел в России гораздо лучшие перспективы, чем в других европейских странах. Причины были очевидными. С распадом Советского Союза Россия перенесла величайшую травму в своей истории. Она перестала быть сверхдержавой, оказалась в большей или меньшей степени банкротом, с потерей нерусских республик ее население было немногим больше половины от того, каким оно было прежде. Это была ситуация, отнюдь не непохожая на ту, в которой оказалась Германия после Первой мировой войны и даже сверх того [5, p. 501].

Употребляя безличный глагол «казалось», У. Лакёр безусловно имел в виду, другую свою работу десятилетней давности «Фашизм: прошлое, настоящее, будущее», в которой также заявлял: «...Перспективы крайне правой в бывшем Советском Союзе и странах советского блока *представляются* (курсив мой. — В. Г.) лучшими, чем в большинстве других частей мира» [8, p. 178]. Отгалкиваясь от такого рода суждений, А. Уmland откровенно пытался дезавуировать акцентировку Лакёра на гипотетичности эволюции политической системы России в направлении фашизма путем дополнительных ссылок на мнения других ученых и политиков. В частности, он ссылается на мнение Альваро Гиль-Роблеса, специального уполномоченного Совета Европы по правам человека, заявлявшего в 2004 г. после двух визитов в Россию следующее:

Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что широко распространившийся рост ксенофобии является в высшей степени угрожающим. Чрезмерный национализм и идеологии, распространяемые партиями и организациями, примыкающими к крайне правой, являются главными причинами подобного положения вещей [16].

Примерно в то же самое время британский политолог Т. Парланд писал, что «в посттоталитарной России идеологический климат все более тяготеет к ценностям крайне правого консерватизма, окрашенного в цвета русского национализма» и т. д. [15, p. 67].

Мифология «русского фашизма» в современной западной аналитике вполне вписывается и в тенденцию к предельно общему, «универсалистскому» определению фашизма как идеологического и социально-политического феномена. Например, центральным пунктом концепции британского политолога Роджера Гриффина, крупнейшего современного специалиста в области *fascist studies*, является поиск «идеального типа» фашизма, равнозначного определению того

«фашистского минимума», который охватывал бы все многообразные формы — от нацистских штурмовиков и итальянских сквадристов до современных ультраправых. Этот «минимум» отождествляется Гриффином с его собственным определением фашизма как «ультранационалистического мифа национального возрождения» (см.: [7, р. 29, 41]). Разумеется, такой взгляд находит понимание далеко не у всех ученых. Американский политолог А. Дж. Грегор отмечает:

Если принять точку зрения Гриффина, фашизм предстает перед нами в виде драматически и постоянно изменяющегося объекта для исследования социальной наукой... Каким-то образом мы можем идентифицировать «фашизм» у «неоевразийцев», «национал-большевиков», «пролетарских расистов от панк-рока и тяжелого металла», а равным образом и у тех, кто стремится к солидарности с Ливией, палестинцами и даже с Ираком и Югославией, когда те являются «жертвами империалистической агрессии со стороны США» [6, р. 116].

Именно в данном полемическом контексте развиваются споры о наследии Н. Я. Данилевского.

В изданном в 2018 г. сборнике «Запутанные крайние правые: российско-европейский интеллектуальный роман в двадцатом веке» его редактор Марлен Ляруэль отмечает:

С начала 2010-х гг. и, что более заметно, после украинского кризиса 2014 г., поддержка Россией европейских крайне правых, а также консервативных и популистских лидеров в глобальном масштабе стала краеугольным камнем восприятия Западом Москвы как «спойлера» на международной арене... Второй момент, который находится в центре этого издания, состоит в том, что у европейских правых и крайне правых всегда были русофильские тенденции, но они были скрыты во время холодной войны, когда правые силы были явно антикоммунистическими. Однако быть антикоммунистом не означало быть антисоветчиком, не говоря уже о том, чтобы быть русофобом... Национал-большевизм... заключает в себе комплекс отношений между Россией / большевизмом / Советским Союзом и идеологиями, которые разделяют некоторые элементы «фашизма». [Данный комплекс] все еще ждет, чтобы историк его изучил в его *longue durée* и многогранных повторениях [4, р. 2, 6].

Рассматривая евразийские движение и мысль как один из существенных истоков германской консервативной революции 1930-х гг., один из авторов данного сборника, Мартин Байссвенгер, утверждает:

Несомненно, классическое евразийство межвоенных лет и его постсоветское неоевразийское возрождение демонстрируют очевидные параллели, в частности общий акцент на уникальность России. Эти параллели побудили современных ученых изучать оба варианта евразийства, прежде всего в рамках русской культурной и политической традиции, восходящей к таким мыслителям и писателям, как Николай Я. Данилевский, Федор Михайлович Достоевский, Константин Николаевич Леонтьев [2, р. 61–62].

Отталкиваясь от данной гипотезы, Марлен Ляруэль в довольно тенденциозной статье под названием «“Третий континент” встречает “третий путь”: евразийское прочтение фашизма» пытается в следующем «ключе» осуществить

сравнительный анализ евразийства 1920–1930-гг. в лице таких его представителей, как Александр Меллер-Закомельский, Дмитрий Святополк-Мирский, Петр Савицкий, Николай Трубецкой, Лев Карсавин с его современной версией:

В конце двадцатого века возрождение евразийства в форме неоевразийства усилило идеологическое взаимодействие с наследием немецкой консервативной революции. Исторические фигуры последнего действительно стали главным источником вдохновения для Александра Дугина, который позиционирует себя как основатель т. н. Четвертой политической теории — почти прямой копии теорий консервативной революции. Российский геополитик утверждает: «Концепция Третьего Пути почти всегда соотносилась с концепцией Русского Пути». Он идет намного дальше отцов-основателей евразийства в интеграции исторического фашизма и некоторых элементов нацизма, в частности его эзотерических тенденций и его эклектичной идеологии [12, р. 60].

Все эти идеи воспроизводятся практически во всех работах М. Ляруэль — как ранних, так и новых — и постоянно встречаются в книгах, статьях и сборниках других авторов (см., напр.: [9, р. 5–7; 10, р. 108–111, 141–143; 11, р. 57, 72, 79–81; 13, р. 95–124]; см. также: [3, р. 165, 186, 188–189, 192]). В своей недавней книге о русском национализме (2018) М. Ляруэль следующим образом подводит итоги предшествующих дискуссий на данную тему:

Мышление Дугина можно представить в виде концентрических кругов с крайне правыми идеологиями в качестве основы его мировоззрения, формирующегося вокруг трех традиций: эзотерического нацизма (арианизм, гиперборей, Туле, теории заговора); традиционализм или перенниализм, вдохновленный Рене Геномом и Юлиусом Эволой; консервативная революция Германии 1920-х и 1930-х гг. и европейские новые правые, переосмысление крайне правых теорий под влиянием некоторых левых доктрин, которые включают в себя антикапиталистическую риторику, а также региональные и экологические элементы. Во втором концентрическом круге дугинского мировоззрения можно найти отсылки на русские элементы: классическое евразийство межвоенного периода, национал-большевизм, теории Льва Гумилева о Евразии и этносе, а также некоторых консервативных русских мыслителей XIX в., таких как Константин Леонтьев (1831–1891), Николай Данилевский (1822–1885) или Федор Достоевский, и даже более незначительные намеки на советских деятелей культуры или представителей левых учений [13, р. 96].

Таким образом протягивается историческая нить от философии и публицистики Н. Я. Данилевского к «возрождению» «некоторых элементов нацизма» в постсоветской России. Разумеется, эта нить является весьма тонкой и постоянно грозит разорваться. Историософия Данилевского гораздо ближе идеям Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби. И хотя Шпенглера также неоднократно пытались и пытаются сделать «союзником» нацистов, такого рода усилия почти всегда выглядят несколько натянутыми. Для того, чтобы понять, насколько далек Данилевский от европейских фашиствующих правых, совсем не нужно, на взгляд, даже обращаться к его работе «Россия и Европа». Вполне достаточно более пристально взглянуть на его ранний монументальный двухтомный труд «Дарвинизм. Критическое исследование» [1]. В нем невозможно найти даже следов того радикального социального дарвинизма Жоржа Ваше

де Лапужа и Артура Гобино, который по праву рассматривается как один из существенных элементов идеологии раннего фашизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. — СПб.: Изд. Меркурия Елеазаровича Комарова. — 1885–1889. — Т. I–II.

2. Beisswenger M. A Failed Alliance: The Eurasianist Movement and the German Conservative Revolution in the Early 1930s // *Entangled Far Rights: A Russian-European Intellectual Romance in the Twentieth Century* / ed. by M. Laruelle. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2018. — P. 61–84.

3. *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism* / ed. by M. Bassin, S. Glebov, M. Laruelle. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

4. *Entangled Far Rights: A Russian-European Intellectual Romance in the Twentieth Century* / ed. by M. Laruelle. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2018.

5. *Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right*. With an afterword by Walter Laqueur / ed. by R. Griffin, W. Loh and A. Umland. — Stuttgart: ibidem-Verlag, 2006.

6. Gregor A. J. Roger Griffin, Social science, “Fascism” and the “Extreme Right” // *Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right*. With an afterword by Walter Laqueur / ed. by R. Griffin, W. Loh and A. Umland. — Stuttgart: ibidem-Verlag, 2006. — P. 115–122.

7. Griffin R. Fascism’s New Faces (and New Facelessness) in the “Post-fascist” Epoch // *Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right*. With an afterword by Walter Laqueur / ed. by Rodger Griffin, Werner Loh and Andreas Umland. — Stuttgart: ibidem-Verlag, 2006. — P. 29–68.

8. Laqueur W. *Fascism: Past, Present, Future*. — New York: Oxford University Press, 1996.

9. Laruelle M. Aleksandr Dugin: A Russian Version of the European Radical Right? — Washington: Woodrow Wilson International Centre for Scholars, 2006.

10. Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2008.

11. Laruelle M. *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. — New York: Palgrave Macmillan, 2009.

12. Laruelle M. The “Third Continent” Meets the “Third Way”: Eurasianism’s Reading of Fascism // *Entangled Far Rights: A Russian-European Intellectual Romance in the Twentieth Century* / ed. by M. Laruelle. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2018. — P. 47–60.

13. Laruelle M. *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields*. — London; New York: Routledge, 2018.

14. Mises L. von. *Socialism. An Economic and Sociological Analysis*. — Indianapolis: Liberty Press, 1981.

15. Parland Th. *The Extreme Nationalist Threat in Russia: The Growing Influence of Western Rightist Ideas* // *Routledge Curzon Contemporary Russia and Eastern Europe*. Ser. 3. — London: Routledge, 2005.

16. Report by Mr. Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on his Visit to the Russian Federation 15–30 July 2004, 19–24 September 2004. — Strasbourg: Council of Europe, 2005.